

Column by editor in chief

В очередном номере нашего журнала рассматривается ряд интересных аспектов темы рабства в Средние века и Новое время в Восточной Европе, на Северном Кавказе, Среднем Востоке и в Центральной Азии.

Е.В. Кравцова, рассматривая рабство и работорговлю в белорусских землях в X–XIII вв., сделала вывод о заметной роли в развитии рабовладения Древней Белоруссии княжеских междоусобиц. Ею прослежены направления, по которым «живой товар» направлялся на внешние рынки. Вывоз невольников за пределы данного ареала показателен, поскольку вся эта масса не могла найти себе применения на месте. Об этом говорит и эпизод, приводимый исследователем, о массовом захоронении в одном из Друцких курганов. Оно является следствием как избытка подневольной силы, так и слабой христианизации этих земель в то время. Торговля рабами составляла важную часть экономического обмена древнерусских земель со странами Запада и Востока. Одновременно такая практика побуждала часть населения искать спасение в бегстве. Автор указывает, что крестьяне и иные зависимые лица искали спасение на севере Руси, на Волге и т.д. В этой связи любопытно отметить, что бегство «потенциальных кандидатов» в рабы, по-видимому, было составной частью оттока с Киевской Руси, в состав которой в разное время входили те или иные княжества, с территории Белоруссии тех людей, которые затем вошли в состав т.н. бродников, т.е. предшественников казачества. Данное явление, как указывает автор, отрицательно сказалось на дальнейшем развитии белорусских земель и привело к их упадку.

Наша статья посвящена теме пребывания армян в Закубанье в конце XVIII – первой половине XIX вв. и может представлять интерес в связи с изучением истоков историко-культурного и иного партнёрства народов Кубани, которые уходят в далекое прошлое, и их взаимодействия с Российским государством в процессе интеграции адыгов, армян, ногайцев и представителей других народов Северо-Западного Кавказа в российские политические, экономические, социальные и иные структуры. Ведущим направлением деятельности закубанских армян были торговля и обмен. Одной из сторон в этой сфере были операции с невольниками, являвшимися в то время ходовым «товаром» на всем Кавказе. Армянские торговцы выступали медиаторами в передаче российских пленников, захваченных черкесами, властям Черномории, имея за это посреднический процент. Пленные также обменивались на товары или шли по «номиналу». Важной гранью в данной деятельности ряда армянских купцов была безвозмездная передача России ее подданных, выкупленных у закубанцев. Данная благотворительность армянских «деловых людей», живших в России или стремившихся обрести российское подданство, получила высокую оценку лично императора Николая I.

В центре внимания статьи И.А. Ермачкова находится судьба русских пленников, оказавшихся в неволе в Хивинском ханстве. Она интересна прежде всего в сравнительно-историческом плане, поскольку позволяет сопоставить близкие явления – набеговую деятельность черкесских наездников (в том числе знатных) и захваты русских промышленников на Каспии хивинцами, представлявшими интересы местной феодальной верхушки. По сути дела, и те и другие представляли собой единый мир на периферии Российской империи. Он находился в состоянии сложных социополитических контактов с Россией, в центре внимания которых стояла проблема выбора путей исторического развития: или вместе с Российским государством, или в составе какой-либо западной державы (либо под ее протекторатом). Захват пленных черкесами (и вообще северокавказцами) был видом, как полагает ряд исследователей, промысловой деятельности либо своего рода инициацией для молодёжи, входившей во взрослое состояние. Хивинские пленники, несомненно, обогащали местных феодалов. В том и другом случае предполагался обмен и продажа пленных за пределы своей этносферы. Это выявлено автором на примере того, что среди хивинских пленников оказался и черноморский казак, захваченный черкесами; подобные факты во множестве представлены в документах из ГАКК, опубликованных недавно А.А. Черкасовым (см. ниже в рецензии на это издание). Можно согласиться с автором в том, что российские власти в отношении и хивинских, и кавказских пленников проявляли попечение, стремясь выменять невольников на захваченных

представителей противоположной стороны или выкупить их. В то же время россияне, находившиеся у горцев, нередко, несмотря на большие сложности, сами освобождали себя из плена, «выбегая» из него (см., например, опубликованные документы из ГАКК), или обретали свободу с помощью посредников (см. выше), будучи сами не в состоянии выплатить средства, требуемые похитителями. Кавказские власти, стремясь к освобождению захваченных россиян, тем не менее не имели возможности, да и цели, выкупить *каждого* пленника (см. мемуары «кавказских пленников» и одноименные произведения русской литературы). Бегство же из Хивы было еще более затруднительно из-за ее удалённости.

В статье В.А. Гончаренко анализируется феномен, крайне интересный и даже экзотический с учётом конфессионального окружения Ближнего Востока, особенно применительно к середине XIX в., а также длительного переживания (как и на всем Востоке) тех или иных социальных институтов и отдельных явлений, – монастырские рабы. Этот статус в известной степени условен, так как он весьма далек от классического рабства и неадекватен даже патриархальному: монастырские зависимые лица получали оплату за свои услуги, а не только натурпайк. Нельзя не обратить внимания и на название тех «рабов», которые закреплены за монастырем, – *джебелье*. «Джебель» – по-арабски «гора». Расшифровка этого названия дана самим автором: «самая большая часть монастырских рабов в работе вообще не была задействована, а кочевала около монастыря в *горах...* (Ред.)». Невозможно здесь не вспомнить и об эпизоде бегства монастырских рабов на *гору* эль-Тих от притязаний шейха Салеха. Точно так же невозможно пройти и мимо названия тех племен, которые охраняли монастырь, – *кафиры* (араб. – неверные). Обозначение мусульманами тех, кто жил в самом монастыре, перешло и на его защитников, что их несколько не ущемляло. С кочевниками у монастыря сложился своеобразный симбиоз, основанный на оказании ими услуг обители, от которых номады имели доход. Статья представляет собой исследование яркого примера не только архаических социальных явлений на Востоке, но и межконфессионального сотрудничества на материальной основе.

А.Ю. Перетягко и А.М. Селезнева обратились к оригинальной теме, связанной с оценкой сексуального рабства в конце XIX – начале XX вв. в донской казачьей литературе. При этом за основу такой оценки берется рассказ «Тяжкий грех Булавина» Н.И. Краснова, опубликованный в 1884 г., в центре внимания которого находится судьба черкешенки Нины, оказавшейся в плену у донских казаков в результате их набега на ее племя и потом оказавшейся в турецком гареме. Авторы, проделав глубокий анализ литературного текста, пришли к выводу, что имевший «либеральные взгляды Н.И. Краснов убедительно доказал, что даже самое мягкое рабство у доброго хозяина ужасно именно отсутствием свободы выбора, невозможностью самостоятельно определять свою судьбу. Самая свобода Нины осмысливается Н.И. Красновым через категорию любви, а рабство – через категорию, пускай и относительно мягкого, изнасилования. И Нина мечтает пусть даже умереть, но свободной и рядом с любимым, но не жить в комфортном рабстве – и автор ей в этом явно сочувствует». Гуманистический общечеловеческий смысл этого вывода безусловен. Одновременно, безотносительно судьбы Нины (заметим, имени не черкесского, присущего скорее Грузии и выступавшего в рассказе популярным уже на тот момент маркером «кавказскости» героини¹), отметим, что для черкешенки XIX в. оказаться в гареме у османов чаще всего было делом желанным и престижным, чему есть ряд свидетельств. Полагаем, что облик и образ мыслей героини рассказа отражал взгляды автора на проблемы женской свободы у казаков, выраженные через переживания не-казачки, но женщины-иноплеменницы, волей случая оказавшейся в среде донцов и их строго маскулинного мира. Подобная осторожность понятна в свете негативного отношения донской аудитории к критике ее традиционных ценностей, что в будущем и сказалось в т.н. «деле донских литераторов» 1911 г.

Д.С. Дударев представил небольшую статью, освещающую жизненный и научно-творческий путь видного российского ученого, профессора В.А. Захарова. Его путь очень ярок и необычен, отражая драматические перипетии и противоречия нашей эпохи, а также и разносторонние, незаурядные способности истинного русского интеллигента. Удивительная

¹ Забавно, но одновременно показательным, что главную героиню всенародно любимого к/ф «Кавказская пленница» также зовут Нина.

личность и творчество В.А. Захарова сочетали в себе, казалось бы, несоединимое – сан православного священника и обладание мальтийским рыцарским крестом. Впрочем, у покойного был яркий пример, изучавшийся им при жизни, – император Павел Петрович Романов – православный государь и великий магистр Мальтийского ордена de facto. Как жаль, что нынче таких колоритных фигур осталось совсем мало.

В.П. Трут выступил с рецензией на упомянутую выше публикацию документов из ГАКК, разносторонне оценив их серьезный эвристический потенциал. Автор хорошо видит и понимает большие возможности изданных источников для раскрытия ряда аспектов социально-политической истории Черкесии и Северо-Западного Кавказа в целом, их взаимоотношений с Российским государством, выделив ряд интересных граней данного источникового материала. Указанный пласт источников в целом ряде случаев позволяет непредвзято взглянуть на весьма острые вопросы социального развития местных этносов, связанные с наличием такого феномена, как рабовладение/пленопродавство/ пленовладельчество (если суммировать известные термины об определении использования труда зависимых лиц и их статуса). С другой стороны, стала еще более объемной возможность взгляда на такие обсуждаемые специалистами нюансы российского освоения Северного Кавказа, как симбиоз российских социальных и политических форм с кавказскими, выразившийся в феномене определенного «окавказивания» российской системы, в том числе использовании пленных кавказцев в процессе контактов с горцами и т.п. Есть и иные аспекты в изучении представленного корпуса источников, с наблюдениями по которым мы надеемся поделиться с читателями настоящего издания в ближайшие годы.

От имени небольшого, но сплоченного коллектива авторов выражаем надежду, что материалы номера вызовут интерес у коллег и побудят их поделиться своими мыслями на страницах нашего журнала в самом недалеком будущем.

**Главный редактор,
д.и.н., профессор С.Л. Дударев**